

УДК 94(47)"14"
ББК 63.3(2)44
Ш19

Шамбаров, Валерий Евгеньевич.
Ш19 Иван Грозный против агентов Запада / Валерий Шамбаров. — Москва : Родина, 2022. — 336 с.

ISBN 978-5-00180-790-2

Наша страна, с ее огромной территорией и природными богатствами, всегда была «лакомым куском» для алчных иноземных захватчиков. Но не всегда ее удавалось покорить силой оружия. В таких случаях оставался захват изнутри — использование на нашей территории людей, которые вели бы активную пропаганду, перемежающуюся с определенного рода подрывной деятельностью. В истории нашей страны примеров такого воздействия, примеров предательства веры и Родины, подлости ради «тридцати сребреников», множество...

На кого работали заговорщики в эпоху Ивана Грозного? Кто стоял за организацией Смуты? Почему на Украине простой народ во все времена хотел быть вместе с русскими, а руководство раз за разом предавало? И почему измены в России до сих пор остаются постоянно действующим фактором внутренней и внешней политики?

На эти и другие вопросы вам ответит книга известного писателя Валерия Шамбарова.

УДК 94(47)"14"
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-00180-790-2

© Шамбаров В.Е., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Узел <i>первый</i> . «Старцы» и шпионы	7
Узел <i>второй</i> . Убийство Елены Глинской	25
Узел <i>третий</i> . Временщики — Шуйские и Бельские	39
Узел <i>четвертый</i> . Избранная рада	53
Узел <i>пятый</i> . Опять «жидовствующие»	67
Узел <i>шестой</i> . Ловушка для России	85
Узел <i>седьмой</i> . Князь Курбский	102
Узел <i>восьмой</i> . Владимир Старицкий и новгородская измена	119
Узел <i>девятый</i> . Как убивали Ивана Грозного	138
Узел <i>десятый</i> . Уния и диверсия Смуты	153
Узел <i>одиннадцатый</i> . Суэта вокруг Тушинского вора	170
Узел <i>двенадцатый</i> . «Семибоярщина»	187
Узел <i>тринадцатый</i> . Паньы и казаки	207
Узел <i>четырнадцатый</i> . Иван Выговский	222
Узел <i>пятнадцатый</i> . Юрий Хмельницкий	236
Узел <i>шестнадцатый</i> . Канцлер Ордин-Нащокин	249
Узел <i>семнадцатый</i> . Брюховецкий и Дорошенко	268
Узел <i>восемнадцатый</i> . Царевна Софья и Голицын	284
Узел <i>девятнадцатый</i> . Кавалер «Ордена Иуды»	306
Переплетения узлов. «Пятая колонна» марширует через века...	330

ОТ АВТОРА

Изменники существовали на Руси с самых ранних времен. Как говорится, в семье не без урода. Впрочем, их хватало во всех других странах. Но в нашей истории данное явление обладало важными особенностями. Ведь за русскими границами лежали не просто чужие страны. Там лежала чужая цивилизация. Западная, католическая, весьма алчная и агрессивная. Те, кто склонился на ее сторону, предавали не только правителей. Они предавали веру и весь свой народ. Самые яркие фигуры, вступившие на подобный путь в глубинах прошлого, я представил читателю в первой книге этой диалогии «„Пятая колонна“ Древней Руси».

Однако наша страна с Божьей помощью преодолевала удары внешних и внутренних врагов. В XV в. на развалинах Киевской и Владимирской Руси поднялось могучее Русское царство. Но «пятая колонна» при этом не исчезла. Наоборот, она пустила прочные корни в государственной верхушке. Обрела идеологию западничества, подкрепляющую и оправдывающую эгоистичные выгоды и амбиции. Из отдельных проявлений измены и заговоры превратились в постоянно действующий фактор российской политики. Об этом периоде рассказывает книга, которую вы сейчас держите в руках.

Узел первый

«СТАРЦЫ» И ШПИОНЫ

Во всех солидных учебниках и трудах по отечественной истории, в исследованиях о духовном прошлом нашего народа разбирается сюжет, как в конце XV — начале XVI в. православную церковь сотрясали споры между нестяжателями, которых возглавлял св. преподобный Нил Сорский, и иосифлянами под предводительством св. Иосифа Волоцкого. Споры жестокие, чуть ли не первый раскол! Нестяжатели требовали отказаться от церковной собственности, конфисковать церковные и монастырские земли, а священникам и монахам жить сугубо собственным трудом. Иосифляне, напротив, отстаивали обогащение монастырей. Разногласия касались и еретиков. св. Иосиф Волоцкий призывал казнить их, а нестяжатели возражали, что действовать надо мягкими мерами, убеждением.

История этого конфликта широко тиражировалась, анализировалась. Ученые и публицисты философски разводили руками — надо же, двое православных святых враждовали между собой! Однако современные исследователи, детально изучив документы, убедительно показали: вся информация о расколе нестяжателей и иосифлян в своей основе взята из одного-единственного источника! Ее автором был «старец» Вассиан Косой. В миру — Василий Патрикеев.

Он принадлежал к высшей аристократии, к Гедиминовичам и Рюриковичам. Его прадед, князь Патрикей Наримунтович, перешел на русскую службу из Литвы. Государь Василий I областал высокопоставленного эмигранта, по-

жаловал обширные вотчины. За его сына выдал собственную дочь. Этот сын, Юрий Патрикеев, и внук, Иван Юрьевич, занимали важнейшие должности московских наместников, воевод. Получали награды, преумножая владения. Иван Патрикеев стал богатейшим человеком в России. Ивану III он приходился двоюродным братом, возглавлял Боярскую думу.

Но в 1470-х гг. в нашу страну внедрилась ересь «жидовствующих». Сектанты целенаправленно старались захватить в свои сети верхушку общества. Среди тех, кто соблазнился, оказались и Патрикеевы. Ересь гнездилась при дворе Елены Волошанки, жены наследника престола Ивана Молодого. В 1490 г. его отравили. Строились планы возвести на трон малолетнего внука Ивана III — ребенка Волошанки Дмитрия Ивановича. Но ведь государь был женат вторым браком на Софье Палеолог, от нее тоже имелся сын, Василий.

В 1497 г. его оклеветали. Патрикеевы и их зять Ряполовский обвинили его, будто он готовит заговор против отца и Дмитрия. Доносили самые знатные, самые доверенные люди! Государь поручил им расследование — если они сумели что-то разузнать, пускай разберутся до конца. Патрикеевы рьяно взялись за дело и подтвердили: заговор существует. У нескольких приближенных Софьи под пытками вырвали признание. Двоих приговоренных четвертовали на льду Москвы-реки, четверых обезглавили. Знахарок, лечивших великую княгиню, объявили колдуньями и утопили. Многие дворяне попали в темницу. Иван Васильевич провозгласил наследником внука Дмитрия...

Однако насчет жены и сына он все-таки сомневался. Что-то не сходилось, совесть была не спокойна. Великий князь допускал, что их охмурили и втянули придворные смутьяны, обошелся с ними довольно мягко. Василия взял под домашний арест, «за приставы на его же дворе». Софью оставил в ее покоях, только не желал с ней видиться. Свои сомнения государь проверял, вел дополнительные розыски. Открывались новые факты. Миновал год, и

всплыла истинная картина. Весь заговор Василия оказался клеветой! Иван III еще не знал о тайной организации еретиков. Расценил преступление только как дворцовую интригу: партия Елены Волошанки нейтрализовала соперников.

За клевету по русским законам полагалось такое же наказание, под которое подводились жертвы. Патрикеевых и Ряполовского Иван III приговорил к смерти. Но с ходатайствами за столь знатных особ выступил митрополит. А рядом с государем оставались еретики во главе с дьяком Курицыным, уговаривали смягчить кару. Все-таки двоюродный брат, племянник! Великий князь поддался. 5 февраля 1499 г. на Москве-реке, на том же месте, где год назад казнили мнимых заговорщиков, отрубили голову одному лишь Ряполовскому. Ивану Патрикееву и старшему сыну Василию казнь заменили пострижением в монахи. Одного отправили в Троице-Сергиев монастырь, второго в Кирилло-Белозерский. Младший сын, Иван Патрикеев, бояре Василий Ромодановский и Андрей Коробов отделались заключением.

Основная борьба с «жидовствующими» развернулась уже без их участия. Сектанты повели очередную подспудную атаку, и именно под флагом нестяжательства. Подталкивали Ивана Васильевича конфисковать церковные земли. Провокация была задумана хитро. Великий князь поссорится с церковью, разгорятся конфликты со священниками, монастырями. А еретики выступят опорой Ивана III, восстановят влияние. К тому же «жидовствующие» были связаны с высокопоставленными аристократами, которые рассчитывали хорошо погреть руки на конфискациях.

Но митрополит Симон, новгородский архиепископ Геннадий, преподобный Иосиф Волоцкий продолжали раскапывать темные дела сектантов. Да и в семье Ивана Васильевича положение переменилось. Василия он освободил, приблизил к себе, пожаловал ему титул государя. Сын и Софья стали деятельными союзниками борцов

с ересью. Состоялось несколько церковных соборов, осудивших «жидовствующих». В 1502 г. Елену Волошанку и княжича Дмитрия взяли под стражу. Их было запрещено именовать великокняжескими титулами и даже, как еретиков, поминать в храмах. Враги пытались наносить ответные удары. Государыня Софья Фоминична умерла, отравленная мышьяком.

Преподобный Иосиф Волоцкий доказывал, что ересь — смертельная зараза. Если не уничтожать разносчиков, она будет охватывать здоровых людей, губить души. А покаяние от «жидовствующих» принимать нельзя, их мораль допускала и поощряла ложь. Но среди советников Ивана III у сектантов оставались свои люди. Удерживали его от крайних мер. Казнить сектантов он не решался. Лишь в 1504 г., когда он тяжело заболел, св. Иосиф и его сторонники доказали государю — ересь надо выкорчевать с корнем. Руководителей секты приговорили к смерти. В Москве сожгли главу Посольского приказа дьяка Волка Курицына, Дмитрия Коноплева и духовника Елены Волошанки Ивана Максимова. Еще нескольких еретиков казнили в Новгороде. Остальных осужденных разослали по тюрьмам и монастырям. Тогда же, в январе 1505 г. умерла в темнице Елена Волошанка. Может быть, заключение и переживания подорвали ее здоровье, но не исключено, что ее умертвили тайно. Ее сына Дмитрия содержали со всеми возможными удобствами. В заключении он имел большой штат прислуги, мог распоряжаться собственными владениями. Но на свободу его не выпустили, он преставился в 1509 г.

И вот тут стоит вернуться к конфликту нестяжателей и иосифлян. Факты красноречиво показывают, что истинная картина оказалась сильно искаженной. Во-первых, св. Иосиф Волоцкий никогда не выступал за обогащение монастырей — но земельные владения помогали монахам вести просветительскую работу, лечить больных, помогать бедным и сиротам, кормить голодающих во время неурожая (что и делал св. Иосиф). Во-вторых, преподобный Нил Сор-

ский действительно основал в Вологодской земле обитель, где монахи жили своим трудом, в скитах. Но против церковной собственности он никогда не выступал! И не отрицал возможность спастись в богатых монастырях.

И тем более св. Нил не был адвокатом еретиков. Когда открылась ересь, и новгородский архиепископ Геннадий воззвал к авторитетным церковным деятелям о поддержке, среди них был Нил Сорский. Он участвовал в расследовании и проклял ересь. А со св. Иосифом Волоцким он никогда не ссорился и не сталкивался! В настоящее время доказано, что преподобный Иосиф в своем главном трактате против «жидовствующих», «Просветителе» («Сказании о новоявившейся ереси»), использовал работы св. Нила. Но и Нил Сорский, в свою очередь, очень уважал его, держал в обители многие его труды, а «Просветитель» ценил настолько высоко, что собственноручно переписал половину книги.

Ожесточенные атаки на иосифлян повел вовсе не он, а Вассиан Косой, о котором мы уже упоминали. Его отец, Иван Патрикеев, был уже в преклонных летах и нервной встряски не перенес, вскоре после пострижения умер. А Василий отделался довольно легко. Превратившись в Вассиана, он неплохо устроился в большом и богатом Кирилло-Белозерском монастыре. В Москве у него остались высокопоставленные родственники, друзья. Да и секта «жидовствующих» не была уничтожена, она лишь затаилась. Покровители поддерживали Вассиана, подсказывали выигрышные ходы.

Из монастыря он ушел в скит недалеко от Ниловой обители, однако совсем ненадолго. В 1508 г. св. Нил Сорский преставился, и сразу же после этого, в 1509 г., Вассиан перебрался в Москву, в «элитный» Симонов монастырь. Причем начал представлять себя «преемником» преподобного, опираться на его имя! А покровители не сидели сложа руки. Протолкнули столь мудрого и праведного «старца» ко двору. Он сумел завоевать доверие Василия III, стал одним из ближайших советников. И пер-

вое, что он сделал, — вызвал охлаждение государя к врагу «жидовствующих», св. Иосифу Волоцкому. Доказал, что казнить еретиков нельзя, и их преследования свернулись. Впрочем, основные работы против иосифлян он написал позже, когда преподобный Иосиф умер и не мог уже ответить. Вот тут Косой не стеснялся, по своему разумению «цитировал» и «учителя», св. Нила Сорского, и св. Иосифа. Изображал, будто Волоцкий игумен одновременно напал на св. Нила и на самого Вассиана, чего никогда не было и быть не могло!

Теперь учителя сектантов маскировались под обликом «заволжских старцев», и Косой формировал вокруг них церковную оппозицию. Он был прекрасным публицистом, пороки и недостатки отдельных священников и монахов распространял на всю церковь, критиковал государственные порядки, выдвигал идеи радикальных реформ. Опять напирал на необходимости конфисковать церковную собственность. Правда, на это Василий III все-таки не пошел. Но многие предложения Вассиана принимал.

А кроме церковной, в нашей стране имелась мощная светская оппозиция. Василий II Темный, Иван III и Василий III объединяли Россию, ваяли ее из россыпи удельных княжеств. Для этого держали курс на самодержавие, укрепление центральной власти. Подавляли феодальную анархию, в свое время погубившую Киевскую и Владимирскую Русь. Подтягивали дисциплину среди князей и бояр, государственная служба устанавливалась для них священным долгом. Хотя западный мир жил совершенно иначе, там аристократы кичились «свободами». Тянулись к роскоши, разгулу, наслаждениям — ведь царил эпоха Возрождения. Особенно широко расплескались подобные «свободы» по соседству, в Литве и Польше. Там магнаты диктовали свою волю монархам, бесконтрольно хозяйничали в стране.

Для русской знати это становилось ох каким соблазном! У великого князя было четверо братьев: Юрий Дмитриевский, Симеон Калужский, Дмитрий Угличский, Андрей

Старицкий. А верхушку бояр составляли Шуйские, Курбские, Кубенские, Ростовские, Микулинские, Воротынские и др. Не столь давно их предки тоже были самостоятельными князьями. Были и знатные перебежчики из Литвы. Князя Бельского Иван III женил на своей племяннице, Мстиславского на внучатой племяннице. Такие особы считали свое положение не намного ниже государева. Раздражались, что им приказывают, как слугам. Вели себя заносчиво. Конечно же, хотелось жить, как в Литве. Но для этого требовалось эмигрировать. Или переменить власть на родине.

А время было неспокойное. Римский папа-извращенец Александр VI Борджиа развернул очередное наступление на православие. В Литве был поставлен митрополитом смоленский епископ Иосиф Болгаринич, принявший унию. Он разъезжал по стране с католическим епископом, толпой бернардинских монахов и отрядом солдат. Отбирали у православных храмы, смещали священников, заменяя униатами. Нагрянув в город или село, заставляли людей перекрещиваться в католицизм. У тех, кто противился, отнимали детей, женщин и перекрещивали насильно. Папа бурно приветствовал подобные действия. Издал особую буллу, поздравляя литовцев: «Еретики наконец озаряются истинным светом».

Папа помог полякам и литовцам заключить союз с Ливонским орденом, подтолкнул к войне против Руси. Однако результат оказался плачевным. Неприятелей вдребезги разгромили в битве при Ведроши, отобрали приграничные области. Литовский король Александр был женат на дочери Ивана III Елене — он упросил жену стать посредницей, взмолился о мире.

Впрочем, неудача не образумила врагов. Когда представился Иван III, пань снова осмелели. Принялись требовать, чтобы русские возвратили все завоевания, предъявили претензии даже на Псков и Новгород — поскольку новгородцы в свое время признали себя королевскими подданными. А в 1506 г. скончался король, которого жена

хоть как-то удерживала от неосмотрительных шагов. Паны и католическая верхушка передали корону брату Александра Сигизмунду, и литовские отряды ринулись на Русь.

Ход войны определялся не только боями, но и изменами. На сторону Москвы перешел могущественный князь Михаил Глинский с родственниками — он был любимцем короля Александра, но при дворе Сигизмунда его обидели, оттерли от ключевых постов и пожалований. А на службе Василия III состояли Константин Острожский и Евстафий Дашкович. Острожский, талантливый полководец, был взят в плен в прошлой войне, но под поручительство митрополита принес присягу великому князю. Литовский воевода Дашкович переехал в Россию добровольно. Во время войны оба перебежали обратно. Сигизмунд их принял с распростертыми объятиями, дал Острожскому Киев, Дашковичу Канев и Черкассы. В результате Глинский пытался взбунтовать Украину, но Острожский и Дашкович удержали ее в повиновении. Обещали казакам милости короля, настраивали против русских.

Тем не менее литовцам доставалось очень крепко. Московские полки разоряли их землю, доходили до Минска и Вильно. В 1508 г. Сигизмунд опять обратился к вдовствующей королеве Елене, просил стать посредницей. Она не отказалась, написала брату Василию III. Вроде бы заключили мир. Но недруги нашей страны рассуждали по-своему: к войне просто плохо подготовились. В Риме папа сменился, на престол взшел Лев X из банкирского семейства Медичи. Однако политическая линия Ватикана осталась прежней — сломить Москву, оплот православия.

Папа деятельно взялся помогать полякам и литовцам. Подключились германский император Максимилиан, король Чехии и Венгрии Людовик — племянник польского короля. Удалось заключить союз с крымским ханом Мехмет-Гиреем. Велись и поиски изменников среди русской знати. В 1510 г. Сигизмунд сумел связаться с братом Василия III Симеоном Калужским. Этот удельный князь вполне «созрел». Принялся жаловаться королю на «засилье»

государя. Дескать, ущемляет его права. Готовился с группой бояр перебежать в Литву, но заговор раскрыли. Василий III намеревался посадить Симеона в тюрьму, но остальные братья дружно выступили с ходатайством, подключили митрополита, и изменник был прощен.

В 1512 г. враги нашей страны сочли, что теперь-то они собрали достаточно сил. Королеву Елену, помогшую заключить мир, подвергли демонстративному поруганию. Ее начали оскорблять, унижать, воеводы Радзивилл и Остиков схватили ее прямо в церкви во время обедни и заключили под арест, отобрав ее казну и лишив всех слуг. Она сумела переслать письмо брату в Москву, сообщила, как с ней обошлись, но письмо стало последним. В январе 1513 г. Елена скоротечно умерла. Литовцы писали, что «от горести». Но все русские источники единодушно утверждают — ее отравили. Кто? Очевидно, те круги, которые желали спровоцировать войну.

На западных границах снова заполохали сражения. Русские полки взяли Смоленск и еще ряд городов. Правда, литовцы под командованием Острожского одержали большую победу под Оршей, но вернуть Смоленск не смогли и, в свою очередь, были разгромлены возле Опочки. Вмешались татары, их конница накатывалась на русские окраины. Мехмет-Гирей нагло провозгласил, что Крым унаследовал власть Золотой Орды, поэтому хан вправе распоряжаться русскими землями. От Василия III он потребовал платить дань и уступить Сигизмунду Смоленск, Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль. В набеги вовлекли и Казанское ханство. И опять посыпались измены...

Михаил Глинский, в прошлой войне перешедший на сторону Москвы, оказался очень ненадежным подданным. О себе он был чрезвычайно высокого мнения и раскатал губы, что в награду за все заслуги Василий III должен отдать ему Смоленщину. Государь с такими претензиями не согласился, и Глинский оскорбился. Снесся с противником, заключили договор — Сигизмунд перечислил, какие

города отдаст ему за предательство. Ну а в качестве «задатка» Глинский переслал важные сведения о русской армии. Именно они помогли Острожскому разбить государев корпус под Оршей. Но уехать к литовцам изменник не успел, задержали. Суд приговорил его к смерти, и спасло его лишь пожелание переменить веру. Он родился православным, потом перекинулся в католицизм, теперь просил вернуться в лоно православной церкви. Василий III заменил казнь пожизненным заключением и отдал осужденного под опеку митрополита.

В 1517 г. крамола обнаружилась в совершенно неожиданном месте. Рязань давно уже числилась в «подручниках» Москвы, ее обороняли московские войска. Княгиня Аграфена, правившая от лица малолетнего сына Ивана, во всем подчинялась государю. Но то ли внешние враги, то ли боярская оппозиция пристроили к Ивану соответствующих советников. Они настраивали князя сбросить зависимость. Повзрослев, он вздумал играть в самостоятельность. Начал сноситься с Литвой, а с крымским Мехмет-Гиреем заключил союз, посватал его дочку. Тут уж переполошилось московское правительство. Еще не хватало, чтобы на Руси началась междоусобица и развалилась вся система обороны на юге, открыв татарам дороги в глубь страны! Конечно, государь этого не допустил. Вызвал Ивана к себе и взял под стражу. Но у него имелись сообщники и в Москве. Помогли сбежать в Литву. Тогда Василий III забрал Рязань под собственное управление.

Папа Лев X не скрывал, чью сторону он держит. По поводу победы литовцев под Оршей устроил пышные торжества и иллюминацию в Риме. Но войска Василия III, невзирая ни на что, били неприятелей. Литва и Польша выдыхались, их казна опустела. Папа и император Максимилиан предпринимали экстренные усилия, чтобы поддержать Сигизмунда. Для этого ему сосватали дочку герцога миланского Иоанна Галеаццо Сфорца. Он был могущественным кондотьером (прозвище Сфорца означает «сила»), поставлял всей Европе полки наемников. И он

был сказочно богат, невеста принесла Сигизмунду крупное приданое, позволившее продолжить войну.

Но по отношению к русским Лев X и Максимилиан выступили вдруг миротворцами. Направили в Москву своих дипломатов, предложили посредничество. Послы императора Герберштейн, да Колло и де Конти доказывали пользу «благоразумной умеренности» и убеждали Василия III возвратить «хотя бы» Смоленск. А папа разъяснял, что с Литвой воевать вообще незачем. Когда Сигизмунд умрет, великий князь может выставить свою кандидатуру на выборах короля, получит всю Литву вместе с Польшей. За победу Василия Ивановича на выборах Лев X ручался, заверял, что сам посодействует. Для этого требовалась лишь одна «мелочь» — соединить русскую церковь с католической. Ну а сейчас надо помириться с Литвой, вместе с ней повернуть оружие на турок. Папа выражал готовность признать права Василия III на Константинополь, обещал короновать его «христианским императором».

В Москве такое «миротворчество» отвергли. Папе разъяснили, что в вопросах веры в его услугах не нуждаются. Что ж, Лев X будто совсем не обиделся! Как ни в чем не бывало он прислал в Россию генуэзца капитана Паоло. Ему поручалось разведать пути в Индию через Волгу и Каспийское море. А русских просили посодействовать. Посланец объяснял великому князю, как будет выгодно русским, если итальянцы проложат себе дороги на Восток через нашу страну. Василий III был иного мнения и не позволил капитану вести разведку. Паоло уехал ни с чем, но вскоре вернулся — в качестве посла уже от другого папы, Климента VII. Кстати, он происходил из той же банкирской семьи Медичи. А Василия III пробовал соблазнить теми же перспективами, что его предшественник. Соединение церквей и война с турками — за это папа обещал королевскую корону.

Естественно, государя такие перспективы не воодушевили. Но в Рим с ответным визитом он отправил своего дипломата Герасимова. Папа чрезвычайно обрадовался.

Правда, в грамоте Василия III оказались только вежливые реверансы, однако в Ватикане сочли, что самое главное посол должен передать тайно, на словах. А Герасимов, как нарочно, заболел. При папском дворе переполошились, очень переживали, как бы не помер. Но когда посол выздоровел, были весьма разочарованы. Выяснилось, что на переговоры о государственных, а тем более церковных делах он не уполномочен. Католические сановники не верили, подъезжали так и эдак. Нет, Герасимов подтверждал, что его задачей было только передать письмо с теми самыми реверансами.

Литве все-таки пришлось признать поражение, заключить перемирие. Но когда пришел срок продлить его, в Москве собралась целая конференция «миротворцев»! От папы прикатил епископ Иоанн Франциск, от императора — граф Леонард Нурогальский, от эрцгерцога австрийского вторично пожаловал барон Герберштейн. Дружным хором они принялись нажимать на русских, требуя уступок. Чувствуя такую поддержку, литовские паны воодушевились. Заикнулись о претензиях на русские земли вплоть до Новгорода и Вязьмы. Да только и царские дипломаты нажиму не поддались. Удержали занятые города и земли.

Но оппозиция в нашей стране по-прежнему существовала. Кто-то постоянно распространял слухи, порочащие политику великого князя. Когда он начинал войну с Литвой, нашептывали, что он «нарочно ищет врагов». Когда решил проучить Казань — что он напрасно злит татар и добром это не кончится. Во время казанских войн пытались подогреть недовольство, играя на перебоях с волжской рыбой, обвиняя в возросших ценах на восточные товары. Правда, настроить народ против государя не удавалось, на Руси Василия III любили. Он даже обходился без личной охраны, считал это лишним.

Но изменники гнездились рядом с ним. Например, посол императора Герберштейн, дважды посетивший нашу страну, привел в своих записках описание Сибири, дорог

в Персию и в Среднюю Азию. В ту эпоху сведения о географических открытиях в любом государстве считались важнейшей тайной и строго охранялись. Вспомним, что папскому посланцу Паоло запретили исследовать пути на Восток. Но Герберштейн назвал информатора, который выложил ему драгоценные сведения, — князь Симеон Курбский (знаменитому предателю он приходился двоюродным дедом). В свое время он входил в окружение Елены Волошанки, был близок к Вассиану Косому.

А Вассиан возле государя стал важным временщиком. И если он защищал сектантов от гонений и казней, то к борцам за чистоту веры относился совсем иначе. Священник Серапион из Заволжья раскрыл, что среди «заволжских старцев» процветает ересь. Но его доклад попал к Вассиану. Отреагировал он жестоко, «старец Васьян попросил на пытку». При истязаниях ему сломали руку, и он умер в мучениях. Впоследствии ересь обнаружил архиепископ Ростовский. Его нельзя было уничтожить, как безвестного Серапиона. Но Косой добился от Василия III грамоты о неподсудности «заволжских старцев» архиепископу. А у митрополита Даниила постепенно копились материалы, уличавшие в ереси самого Вассиана. Но «старец» набрал такую силу, что даже для предстоятеля Русской церкви оказался не по зубам. Он сам вел подкопы под митрополию, сеял у государя недоверие к ней.

Между тем измены продолжались и в мирное время. В 1523 г. был арестован северский князь Василий Шемякин, уличенный в тайной связи и переписке с Литвой. Перебежать к Сигизмунду готовился князь Мстиславский — тоже очутился в тюрьме. Еще один заговор организовали Шуйские и Иван Воротынский. Они планировали то же самое — перекинуться под крыло польско-литовского короля. Но их замысел раскрыли, и они удрали в Дмитров, в удел государева брата Юрия. Василий III добился их выдачи. Шуйских посадил, Воротынского после временной опалы помиловал. Но брат Юрий остался вроде бы ни при

чем. Его вообще не наказывали. Хотя заговорщики, конечно же, не случайно искали укрытия у него.

К этому времени двое из братьев Василия III, Симеон и Дмитрий, ушли в мир иной. Но Юрий Дмитриевский и Андрей Старицкий сохраняли особый статус: значительную удельную самостоятельность, собственные дворы, войска. Как ближайшим родственникам государя им прощалось то, что не прощалось другим. Но они оставались вечно недовольными, что отстранены от верховной власти, от московской казны, от главных источников доходов. Именно к ним всегда тянулась оппозиция, и надежды на Юрия с Андреем имели под собой вполне реальную почву.

Василий III был двадцать лет женат на Соломонии Сабуровой, но не имел детей. Конечно, обидно. Но для государства, казалось бы, это не сулило каких-то бедствий. В Европе да и на Руси такое случалось, бездетным властителям наследовали братья. Однако у Василия III имелись некие серьезнейшие основания не доверять Юрию и Андрею. И не только у Василия! Митрополит Даниил, значительная часть духовенства и бояр тоже полагали, что передавать власть братьям нельзя. Причина могла быть только одна — их связи с оппозицией. Серьезные опасения, что переменится политический курс страны, будут подорваны позиции церкви. Вокруг митрополита сплотилась мощная партия, предложившая великому князю пойти на чрезвычайные меры, только бы продлить его род, — развестись с супругой.

Что ж, по нормам XVI в. шаг был и впрямь чрезвычайным. Развод допускался лишь в случае, если жена или муж уйдет в монастырь. Мало того, при пострижении одного из супругов второй, как правило, тоже принимал постриг. Но митрополит заранее освободил Василия Ивановича от такой обязанности. И все это предпринималось ради попытки зачать наследника. Только попытки! Ведь никто не знал, по чьей вине брак бесплоден, никто не гарантировал, родится сын или дочь. Но опасения относи-

тельно Дмитрия и Андрея были настолько весомыми, что святитель Даниил, иерархи церкви и бояре выступили за столь рискованное решение.

Но выступили и противники, взявшиеся доказывать недопустимость развода. Главным из них оказался Симеон Курбский. Тот самый, который выложил государственные тайны иноземцам. Братья Василия III благоразумно остались в сторонке от обсуждений этой темы, но Курбский был с ними очень дружен. Однако и «старец» Вассиан Косой оказался вдруг принципиальным противником развода. Горячо агитировал, страшил последствиями греха. Причем мы располагаем убедительным доказательством, что оппозиция поддерживала связи с западными державами. Ведь примерно в это же время, в 1525—1526 гг., Москву посетили папские и императорские «миротворцы». Герберштейн, о котором мы уже упоминали, описал историю с разводом в самых черных тонах. Рассказал, будто митрополит постригал Соломонию насильно, она вырывалась, топтала ногами рясу и сдалась лишь после того, как дворецкий Иван Шигона ударил ее плетью. Передавал и слух, будто в монастыре обнаружилась беременность Соломонии. Она, к раскаянию мужа, родила сына Георгия, но никому его не показывала. Предрекала, что он явится «в мужестве и славе» и станет мстителем за нее...

Отметим, что Герберштейн — очень сомнительный источник. Его дипломатическая миссия дважды провалилась, и в своих записках, изданных на Западе, он густо полил Россию грязью. При этом не особо заботился о правдоподобии, абы помрачнее и померзее. Даже такой враг нашей страны, как иезуит Поссевино, указывал, что Герберштейн много наврал. А его рассказ о разводе содержит ряд нестыковок. Если государь стремился к рождению наследника, мог ли он гневить Бога откровенным беззаконием? Грубая сила, чтобы заставить Соломонию, вовсе не требовалась. Ведь ее обрабатывали митрополит, другие священники, разъясняли со своей точки зрения долг по отношению к государству и церкви. А уж легенда о том,

будто монахиня родила и никому не показывала ребенка, абсолютно не соответствует реалиям русских монастырей. Как и где она смогла бы растить младенца? В келье? Кстати, Соломония, в монашестве София, впоследствии прославилась как настоящая подвижница, причислена к лику святых.

Но обратим внимание, от кого мог Герберштейн услышать сплетни о насилии над Соломонией, о ее мнимой беременности. Ясное дело, не в ходе переговоров. Он с кем-то встречался тайно. Скорее всего, это был тот же Симеон Курбский или кто-то из его товарищей. Оставалось собрать вместе всех, кто был заинтересован в пресечении государева рода. Боярская оппозиция, еретики, внешние враги России и православия. Силы разные, а цели получились общие. Между прочим, упоминание о «тайном» сыне Соломонии, который явится «в мужестве и славе», может свидетельствовать, что уже в те времена носилась идея использовать самозванца, хотя еще не была реализована.

Борьба развернулась не шуточная. Оппозиция распускала слухи, привлекала сторонников правдами и неправдами. Вассиан Патрикеев втянул в эти игры преподобного Максима Грека. Ученый афонский монах, получивший образование в Париже и Флоренции, был приглашен в Москву для разбора греческих книг, собранных великими князьями. Работая с несколькими русскими богословами, Максим перевел ряд книг, выправлял старые переводы, сам писал духовные труды. Но простодушного и неискушенного в московских делах Грека вовлекли в политику. Он искренне, по-православному, считал, что разводиться нельзя, а его мнение использовали для агитации. Под прикрытием преподобного Максима стал собираться кружок заговорщиков. Его просили ходатайствовать за опальных, осужденных, и он по своей доброте соглашался.

Но из-за этого на него самого пало подозрение, что он сообщник крамольников. Его арестовали, а он, по той же простоте, откровенно рассказал, какие разговоры велись вокруг него. Оскорбление монарха во всех средневековых

странах считалось тягчайшим преступлением и строго каралось. Так было и на Руси. За хулу на великого князя дьяка Федора Жареного били кнутом и отрезали язык. А боярин Берсень-Беклемишев выступал организатором кружка, искал и вовлекал единомышленников — ему отрубили голову. Максима Грека отправили в монастырское заточение.

Вассиану Косому на этот раз удалось выкрутиться, но государь отверг его поучения относительно брака. Все русские источники (в отличие от Герберштейна) сообщают нам, что Соломония сама, добровольно попросилась уйти в монастырь (или уговорили). А для поисков невесты использовали византийскую методику, общегосударственные смотрины. Все знатные семьи должны были представить своих дочерей подходящего возраста и здоровья. Их оценивали, отсеивали в нескольких турах. Из нескольких оставшихся делал выбор великий князь. Те, кто не удостоился столь исключительной чести, тоже не оставались внакладе, государь выступал их сватом и выдавал за муж за придворных.

Но выбор Василия III многих удивил. Он пал на Елену Васильевну Глинскую. Глава этого рода, Михаил Глинский, сидел в тюрьме. Его брат Василий, отец невесты, в измене не участвовал и опале не подвергался. Однако он ничем себя не проявил и уже умер. Елена росла сиротой, и брак с ней никаких политических выгод не сулил. Летописи называют единственную причину, по которой государь обратил на нее внимание: «лепоты ради ея лица и благообразия». Елена была редкой красавицей. Пятидесятилетний Василий III по-простому, по-человечески влюбился.

На свадьбе гуляла вся Москва, радуясь за своего государя. Любя юную жену, Василий Иванович и сам «молодился», даже обрил бороду (что не приветствовалось церковными правилами). Однако с зачатием ребенка целых три года ничего не получалось. Видимо, возраст мужа все-таки сказывался, его с бородой не снимешь. Супруги совершали паломничества по святым местам, молились о наследнике в Переславле, Ростове, Ярославле, Вологде, на